

В. Кулаков

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ
АРЕНА

Владимир Александрович Кулаков

Там, где кончается арена...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40170036

Там, где кончается арена Роман:

Аннотация

Книга Владимира Кулакова "Там, где кончается арена..." является продолжением повествования о цирке. Для того, чтобы понять душу цирковых, их чаяния, вообще что это за люди, живущие на планете Земля, следует прочитать трилогию "Сердце в опилках", "Последняя лошадь" и "Под куполом небес". В этих произведениях автор попытался раскрыть огромную тему жизни людей цирка с момента, когда они попадают в этот удивительный мир манежа и как проходит их жизнь в этом магическом кольце. "Там, где кончается арена..." дополняет картину, повествуя о непростом времени, когда нужно покидать арену в силу тех или иных обстоятельств. Что чувствуют цирковые, как ведут себя, как живут, и живут ли вообще? Ответ вы найдёте на страницах, которые перед вами. В книге, как всегда, много юмора и мелодраматических эпизодов. Это делает повествование объёмным и динамичным. Книга читается на одном дыхании. Откройте её – не пожалеете...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кулаков В. А.

Там, где кончается арена Роман

*В цирке есть поверье – переступившему барьер
манежа назад пути нет.*

Почему?

Цирк – великий вор.

Он крадёт наши сердца. Навсегда.

*Прячет их в опилках своего
тринадцатиметрового кольца.*

А как жить без сердца?

Поэтому из цирка редко кто уходит.

А если и уходит – то очень страдает.

*А если не страдает – то у него никогда и не было
сердца...*

Глава первая

Володька Никонов колесил по слякотной Москве на своём раздолбанном «Опеле» с неработающими омывателем и печкой. Было холодно, изо рта шёл пар. Вроде конец марта, а весной в Москве и не пахло. Обильно посыпанные на столу реагенты развезли на дорогах месиво, что водителей больше бесило, нежели радовало. Щётки размазывали грязь по лобовому стеклу, и через какое-то время ни черта не было видно. На светофорах, пользуясь остановкой, Никонов виртуозно вытягивался из приоткрытого окна и поливал лобовое стекло водой из бутылки. Иногда он ухитрялся это проделывать на ходу. «Дворники» в мгновение ока делали перспективу светлой и ясной. Но ненадолго. Он тихо матерился. Вот уже третья пустая бутылка валялась на коврике под пассажирским сиденьем. Оставалась вот эта, финальная...

Никонов был в отчаянии. Сегодня, все как сговорились. Приезжаешь по адресу: «Я такой-то, по объявлению». Короткий взгляд, беглый осмотр снизу вверх, пауза, ответ: «Место занято, опоздали, только что взяли...» По лицам было видно, что врут, но поди проверь. Володька разворачивал свой уставший от жизни и прожитых лет «Опель» и ехал по следующему адресу, догадываясь, что ситуация будет такой же.

Он мыкался с дочкой в Москве один. Крутился как мог,

чтобы оплачивать её недешёвые занятия балными танцами и спецшколу с углублённым знанием английского языка. Его Ирка моталась по свету, дорабатывая в известном воздушном полёте, понимая, что её песня тоже на последнем куплете – возраст! Высылала им какие-то деньги, сама летая «на парú». Володька работал то чоповцем в какой-то там фирме, где его быстро сократили, то грузчиком в мебельном магазине, то сторожем на складе строительных материалов, то в гипермаркете катал тележки. Одно время повезло – мыл машины. Не брезговал ничем – не до жиру и сантиментов! Везде платили копейки, а требовали, как с министра. На работу каждый раз принимали с трудом – мужик крепкий, но, увы, «с пробегом»... Как-то так само получалось, что нигде долго не задерживался. Правдолюб, привыкший к честной работе, не терпевший халтуры и наплевательства, вечно попадал в какие-то ненужные скандалы и разборки. Кому такой нужен!..

Единственное, что давало хоть какую-то стабильность и защиту, – это их жильё, которое он когда-то, на заре своей карьеры, купил после гастролей в Японии. Хорошая двушка в престижном районе на юго-западе Москвы. Тогда это можно было сделать на раз, если повезло побывать в стране самураев. В то время многие стали москвичами...

Осенью пришлось сдать свой подземный гараж в бессрочную аренду до лучших времён. А когда они настанут, эти «лучшие времена», он даже себе и представить не мог – на-

столько всё казалось беспросветным, как сегодняшнее небо в грязных облаках.

Стрелка уровня бензина стремилась к красной зоне, время – к полудню, жизнь – к закату и тупику.

Никонов пошарил в кармане куртки. Вытащил несколько смятых купюр, бегло взглянул. «Да-а!.. На полбака хватит, и всё». Денег от аренды гаража хватало только на оплату школы для дочери. Хорошо хоть так...

Бедра защекотал виброзвонок телефона. Его трели едва слышались под курткой. Там бодро звучал выходной марш Дунаевского из кинофильма «Цирк».

«Кто-то из наших!» Никонов нашарил телефон и прижался к тротуару. Стекло было заляпано до предела, вода кончилась. Вовремя...

– Фил, привет! Это я, Сарелли! Ты где?

– Привет, Саня! Я? Я в ж-ж... – Никонов не стал уточнять где он по состоянию дел на сегодня. – В машине!

– Слушай, с Ангарой совсем беда! Витька опускается с каждым днём. Никак не могу забрать его к себе – не едет, собака! Никак не уговорю. Бухает, в тоске совсем зачах. Это ещё его Танька, сука!.. Что будем делать?

– Откуда я знаю! У самого, как у проктолога...

– В смысле?

– Куда ни ткни – задница... С работой – ноль. Сегодня три адреса объехал, вот ещё один остался. Решаю, ехать не ехать.

– В униформу на Вернадского пробовал?

– Пробовал. Разговаривал с Костюком. Лёня – он директор нормальный, сам знаешь, из цирковых. Обещал перезвонить. Пока у него всё занято. И в Старый цирк на Цветной заезжал. Везде аншлаги, штат забит. Опять же обещали позвонить, если что.

– Может, к Шаху заедешь в Главк? Он там теперь начальник. Последнее время не звонит, отдалился.

– Заеду. Трубку, и правда, не берёт. Странно...

– Ладно, давай, будь!

– Буду...

Никонов, он же Фил, хлопнул дверью, пошёл к киоску купить минералки, которую собирался пролить на лобовое стекло машины, как свет – на свою сегодняшнюю жизнь...

...Вовка Никонов приехал поступать в цирковое училище из Воронежа. Родился он там на улице местного поэта Ивана Саввича Никитина, там и вырос. Уродился романтиком, с поэтической душой. Мечтал о странствиях и путешествиях. Так что ему прямая дорога была в цирк.

Однажды случайно увидел в городе объявление, стал заниматься в цирковой студии. Попробовал себя в нескольких жанрах, но не определился, какому из них отдать предпочтение. Парень рослый, для подростка хорошо сложенный. Отличался статью и крепким торсом. Но поступить в ГУЦЭИ с первого раза не удалось. На физкультурно-акробатическое отделение брали тридцать пять парней и пятнадцать девушек. Всего пятьдесят человек, включая «посланников брат-

ских республик», места которым были гарантированы. Конкурс был невероятным! Ни одно учебное заведение страны не могло похвастаться таким количеством желающих поступить. Ну, разве что ВГИК... Около ста человек на одно место! Шансов – практически никаких. Но Никонов добился своего, хоть и со второго раза. Он заметно выделялся среди абитуриентов. У педагогов циркового училища глаз был наметан...

С прозвищем Никонова всё обстояло сложнее. Вначале, естественно, он был «Никоном». Потом у кого-то выскочило – «отец Аввакум». Позже от местных остряков прилипло – «Филарет». Потом ленивцы сократили и стали звать на иностранный манер – «Фил». Так и осталось навеки. При необходимости официально представлялся: «Никонов! – И через паузу, с удовольствием: – Фил!..»

С Сарелли они подружились молниеносно. Никонов узнал, что тот тоже родился в Воронеже, когда его родители были там на гастролях. Так или иначе – земляк! Это обстоятельство и стало решающим.

Сашка Сарелли, несмотря на все конкурсы, поступил в училище циркового и эстрадного искусства играючи. Путь его был предопределён раз и навсегда. В цирке род Сарелли был известен давно, ещё до революции. Другой жизни Сашка не ведал и не желал знать. Родился, как принято говорить, «в опилках», так обычно характеризуют всех потомственных цирковых. Но о нём это можно было сказать практически в

прямом смысле. Цирк вошёл в него с первым вздохом и криком, который возвестил о его рождении прямо в фанерной гримёрке летнего цирка во время представления. Мама тянула до конца, вот и случилось то, что случилось. Хоть записывай в паспорте в графе «место рождения»: Воронеж. Государственный цирк. Гримуборная № 13. Что Сарелли с удовольствием, ради хохмы, и делал, когда нужно было писать автобиографию...

Он с детства избрал себе жонглирование, хотя мать была воздушной гимнасткой, а отец акробатом.

По жизни часто приходилось объяснять происхождение своей фамилии. «Итальянец, что ли?.. Да какое там! Это ещё мои прадед с прабабкой, полуграмотные сермяжники, придумали псевдоним на иностранный манер. Настоящая фамилия – Елины. Сами родом из-под Саратова. Соединили всё вместе по первым слогам, вот и стали Сарелли. Так раньше многие делали. Манеж требовал звучных имён. Многие косили под иностранцев.

Какие-нибудь Сидоровы обязательно становились Сидорини. Придумывали себе новые фамилии типа Манжелли, Келанс, Флорено, Польди, Бартар, Эсве, Буше и так далее. Настоящих иностранцев тоже хватало. Женились, оставались в России, давали потомство. Тут тебе и Кисс, и Лапиадо, и Труцци, и Чинизелли со всеми остальными. Итальянцев было пруд пруди в России. Отсюда и мы, Сарелли-итальянцы, правда, доморощенные...»

Сашку Сарелли в училище тоже пытались как-то обозвать. То он был Челентано, то Марчелло, то Мастроянни. Но как-то не прижилось. Его собственная экзотическая фамилия уже сама была красивым прозвищем. Так всё и осталось без изменений.

Никонов сидел в машине и вдруг решил, что никуда больше не поедет. «Не хочу! Надо будет, работа сама меня найдёт. Устал...» Он расслабился, откупорил купленную бутылку, сделал шипящий глоток. Газ приятно защекотал ноздри. У «Белорусской» толкался народ. Вокзал!.. Людям везёт – поездам и в дорогу... Защемило... Сейчас бы к окну и смотреть, смотреть, как меняются пейзажи!.. Ирка обычно спрашивала, когда он уходил из купе в вагонный коридор: «Опять телевизор смотреть?» Сколько он насмотрелся за свою жизнь в этот «телевизор»...

Никонов отпил очередной глоток. Огляделся, словно видел это место впервые. Здесь столько хожено-перехожено, прожито-пережито!..

На четыре года он тогда стал москвичом, пока учился в Государственном училище циркового и эстрадного искусства. Гордился этим несказанно! Отсюда на восемьдесят втором автобусе до училища минут десять. Пешком, дворами – немногим больше... Студенчество, общага на Расковой, пацаны...

Ещё один его друг, Витька Ангарский, в цирковое училище поступил тоже без проблем. С первого тура на экзаменах

стало ясно – быть ему студентом ГУЦЭИ. Подготовка профессиональная. С детства – в цирке. Можно было и не поступать – родители цирковые. Но нужен был диплом и среднее образование. «Без бумажки ты – букашка, а с бумажкой – человек!» – так любил говаривать Витькин отец, первоклассный эквилибрист в групповом номере.

Не мудрствуя лукаво, в студенческих кругах его тут же стали звать Ангара. И первым это сделал он, Володька Никонов, – его друг и партнёр. Будучи студентами, они частенько «халтурили» на каких-нибудь концертах, работали силовую пару. Вовка нижним, Витька на руках вверх. К скудной стипендии приработок был...

«Ангарой» он стал в момент. Оно и понятно! Витька не сопротивлялся. А что – звучно, не обидно. Корни фамилии наверняка шли от названия этой могучей реки. Он ерепенился только, если слышал в свой адрес – «Вангара». Это была фамилия одиозной и единственной в нашем цирке женщины – силового жонглёра. Тут уж Витька спуска обидчикам не давал...

Потом к их троице присоединился «Шах». Владислав Шацкий...

В ГУЦЭИ тот появился неожиданно, по мнению большинства – случайно. Все ждали, когда пройдёт эта мимолётная блажь и он заберёт свои манатки назад к папе с мамой. Шли месяц за месяцем, а он и не думал освобождать место на репетиционном манеже. Мало того, репетировал с ка-

кой-то остервенелой жадностью и целеустремлённостью. Так припадает к источнику уставший путник, не пивший много дней...

Единственный сын работника Торгпредства и учительницы музыки какое-то время был белой вороной среди своих сокурсников, пока к нему не привыкли.

Жили они в центре Москвы в старом доме на улице Марии Ермоловой в четырёхкомнатной квартире с высокими потолками. Там же проживала и его бабушка Роза Марковна. Все, кто потом приходили сюда в гости, отмечали достаток, чистоту, порядок, уют и какой-то церемониальный покой, соблюдавшийся бабушкой незаметно, но неукоснительно. Отец был в постоянных зарубежных командировках. Мать, как верный Санчо Панса, была при нём. Воспитывала подрастающего Шацкого в основном бабушка, некогда преподаватель французского языка Московского университета. С раннего детства Влад играл на фортепьяно, свободно говорил на английском и французском, чем наповал сражал своих сверстников. Ему бы быть по всем приметам дипломатом или известным музыкантом. Ан нет! Он связал свою судьбу с цирком хоть и случайно, но всерьёз и надолго. Дело обстояло так. Когда однажды на семейном совете встал вопрос о его будущем, энергичный и подвижный, как ртуть, Шацкий с порога отверг все навязчивые и предсказуемые предложения родителей. На вопрос, чего же он хочет, юный отрок пожал плечами. Родителей и бабушку тревожи-

ла компания подростков пацанов, собиравшихся во дворах, куда с невероятной силой тянуло ещё сопливого Влада. То он придёт с подбитым глазом, то от него вдруг пахнёт табачным дымом. По мнению родных, он катился по наклонной в пропасть. Семья пребывала в унынии и отчаянии!..

Цирк располагался рядом, внизу, у рынка. Как-то сидя на представлении, бабушка обронила в сердцах: «Будешь продолжать так себя вести, отдадим в цирк!» Сказано было вскользь, но идея засела в мозгу Влада – словно кто-то шепнул ему: «Это твоё!» Через месяц, после долгих уговоров и слёз, отец привёз-таки его на экзамены в цирковое училище. Влада неожиданно приняли в младшую группу. Стала бабушка ежедневно возить внука на пятую улицу Ямского поля в круглый дом под номером двадцать четыре, пока внук не стал это делать самостоятельно, быстро повзрослев.

Кто-то однажды назвал его Шахом. Так и стали его звать с училищных времён. Когда Шацкий окончил восьмой класс, все они и встретились на одном курсе... Выпускались тоже вместе. Каждый со своим номером. Влад Шацкий – эквилибрист на катушках. Сашка Сарелли – соло-жонглёр. Витька Ангарский – эквилибрист на пьедестале, блистательный стоечник, которого тут же взяли на программу в Старый цирк. Володька Никонов – руководитель группового номера акробатов-вольтижёров...

Дальнейшая судьба связала их на всю оставшуюся жизнь, хоть и работали они в разных городах необъятного тогда Со-

юза. Друзья частенько упрасивали Главк соединить их в одной программе. И тогда, как в том анекдоте: «На третий день в город N въехал поручик Ржевский, и тут такое началось!..»

Лидером и заводилой всегда был Влад Шацкий. Черноволосый красавец с холёными усиками и загадочной полуулыбкой голливудского киногероя. С выразительными, чуть навывкате, глазами-маслинами, полыхающими каким-то завораживающим огнём. На этот огонь бабы летели, как мотыльки на пламень свечи. В этом пожаре погибла не одна крылатая красавица-однодневка... Хорошо сложен, обходителен, эрудирован – идеальный образчик классического сердцееда. Однажды какая-та пассия с восторгом и придыханием обронила: «Он такой сладкий! Мм-м!.. Как мармелад!..» Шурка Сарелли тут же переделал: «Мармевлад». Так и осталось...

Сладкий Влад через какое-то время встретил свою Аллу. Девочка семитских кровей, черноволосая, улыбчивая красавица, лёгкая, как баттерфляй, заботливая, хозяйственная, компанейская, она охомутила Влада в несколько месяцев. Он вдруг остепенился и оказался первым из них по-настоящему женатым человеком. Она стала ассистенткой в его номере... Теперь у них двое дочерей. У одной из них уже маленькая дочурка. Шацкий – дед! Хм... Вот жизнь! Пролетела, как метеорит в августовском небе ночью...

Сколько его помнили, Шацкий постоянно учился. И это невзирая на то, что он был отцом двух очаровательных близняшек, которые катались на нём, как на цирковом пони. То

он ломал извилины в Высшей партийной школе – было такое в прошлой жизни. То окончил курсы инспекторов манежа и стал носить фрак. То ходил на какие-то бухгалтерские курсы на стороне, чтобы разбираться в финансовых хитросплетениях цирковой системы. Когда он успевал готовиться к сессиям и экзаменам в этом цирковом круговороте ежедневных выступлений, репетиций, молодых загулов и всевозможных конкурсов, никто понять не мог. Не успели моргнуть глазом, как тот окончил ГИТИС с «красным дипломом» и стал иметь ещё и профессию режиссёра. Ставил тематические цирковые спектакли к разным датам, детские новогодние представления-сказки. Делал он это талантливо, легко и с удовольствием.

Шацкий был прирождённым лидером. Люди к нему тянулись, полностью доверяли. Много позже, уже в зрелом возрасте, он понял, что его век эквилибриста на катушках подходит к концу, а профессия режиссёра цирка весьма эфемерна – нужно иметь ещё что-то, чтобы выживать. Он снова оказался в родных стенах альма-матер, но уже на продюсерском факультете. Самое смешное, что в это же время на параллельных факультетах учились и его подростковые дочери. При случайной встрече с ними где-нибудь на лестничных маршах этого старинного учебного заведения великовозрастный студент-отец неизменно прикладывал палец к губам и нарочито строго грозил им пальцем. Дочери прыскали от пикантной ситуации и жестом клялись: «Папочка! Мы – могила!...»

Пришло время, и Шацкий получил свой очередной «красный диплом». Но это радостное обстоятельство, по-прежнему, хорошо оплачиваемой работы не прибавляло. Он тоже мыкался...

Никонов сделал очередной глоток. Вода до дрожи освежала, бодрила в нетопленном салоне автомобиля. В боковое окно постучали. Гаишник деревянным жезлом махнул: «На выход!...»

...Володька ехал, задыхаясь от возмущения и унижения. Этот флибустьер московских дорог, махнув своей волшебной палочкой, очистил его карманы в мгновение ока. Никакие аргументы Никонова его не удовлетворили, наоборот: «А-а! Так у тебя ещё и стеклоочистители не работают!...» Взял последнее, взамен отдав сомнительную честь...

– Всё! Надо ехать к Шаху. Может, он чем поможет...

Глава вторая

«Что такое – ЦИРК?..

Это, конечно, манежный Круг. По нему лошади несутся, наклоняясь к центру. Словно там лежит ответ... Цирк – Полусфера. К ней с арены взлетают под купол. Там до Бога рукой подать...

Это – Плоскость, когда лежат не в силах подняться от усталости. И жёсткая Плоскость – когда однажды не поднимаются вовсе... Цирк – это Квадрат детской колыбели. С первыми круглыми игрушками – мячами и кольцами жонглёра... Для некоторых начинающих – Ярмарка Тицеславия, заканчивающаяся Тицетой. Улыбка и седина старого артиста, вкусившего горечь цирковых опилок. Познавшего просто «Vanitas vanitatum...» Это – Мир в миниатюре. Вселенная! Начало Мироздания и конец Бытия.

Бесконечная Прямая, замкнутая на самую себя. Спираль в спирали. Параллельные прямые, которые пересекаются. Это Парадокс в Логике и логика в парадоксах. Цирк это – Ты, растворённый в вертикалях надежд и огорчений... Это – восходящая горизонталь Удачи, летящей к тебе на крыльях аплодисментов.

И – Любовь, долгожданная, Безграничная, однажды приходящая к тебе.

ЦИРК – это Круглая Многогрань...»

— ...Много — грань... — Сашка Сарелли на какое-то мгновение завис над тем, что только что написал, повторил несколько раз финальное слово и отложил листок бумаги. Очередная его новелла родилась как-то сама собой, почти без единой правки. Их накопилось достаточно за долгие годы — две-три книги уже можно было издать, да всё както недосуг... — Ладно, всё на сегодня! Хватит душу рвать!..

Он глянул в окно. Над Москвой занимался серый мартовский рассвет. Впереди ждал очередной длинный день, как вдвоенный состав товарняка на переезде, который надо было переждать, пережить...

...Он лежал, прижавшись к рёбрам старой чугунной батареи. От неё шел нестерпимый жар! Топили в этом сезоне, не жалея ресурсов и не щадя налогоплательщиков. Сашка Сарелли валялся вот уже второй день, редко вставая по малой нужде, и только чтобы попить воды прямо из-под крана. Силы его иссякли, и все надежды рухнули.

Накануне он походил по Москве в поисках хоть какой-нибудь работы. В цирковом училище ему были рады, но все места педагогов были заняты, а сверх штата никто никого набирать не собирался. Поискал в интернете самодеятельные цирковые студии, созвонился. Там тоже в нём нужды не было, если только на общественных началах. Из любви, так сказать, к цирку. Проще говоря — за так! Он дал несколько объявлений на частные уроки по жонглированию. Один раз отозвались. Заплатили за два часа занятий и всё, продолже-

ния не случилось — поняли, что дело это нелёгкое, не такое уж и развлечение... Однажды попросили провести несколько уроков жонглирования в ГИТИСе для студентов-первокурсников, и на этом тоже всё закончилось. Больше никаких предложений не было, идей тоже. Работать свой номер по кабакам-ресторанам или в детских садах, как это теперь делали многие, он не мог — было противно, унизительно! Физически он тоже едва тянул — его время, как профессионала, кончилось. Нет, конечно, собраться, «выдать на гора», он всё ещё мог, но...

Всё чаще одолевала мысль продать квартиру, которую когда-то приобрели его родители. Эта была хоть и небольшая, но уютная трёшка в цирковом кооперативе «Арена» на Фестивальной и углу Онежской. Тут жил почти весь цвет советского цирка. Ну, или, во всяком случае — какая-то его часть. Не самая худшая...

Если «трёху» продать, купить однокомнатную, то можно какое-то время прожить безбедно. Но делать этого ох, как не хотелось! Это было не только жильё, но и невидимая связь, ностальгия по ушедшим родителям и временам своей юности. Именно здесь он когда-то потерял девственность. Отсюда уходил в армию — вот тут валялись его лохмы, когда стригли «под ноль». Сюда привёл первую жену. Здесь были бесконечные застолья, когда возвращались с гастролей. То он с приятелями, то родители со своими друзьями, а иногда и общими компаниями гремели на весь подъезд. Как здесь

было хорошо и радостно! Знали бы они...»

Жизнь остановилась, замерла, потеряла всякий смысл. Земля вращалась во вселенной вместе с бранным телом бывшего жонглёра. Цирк во всех его ипостасях остался в прошлом. К этому нужно было привыкать, точнее отвыкать. По ночам, во сне, он всё ещё работал. Снились, в основном, кошмары: вот он выскакивает на манеж, а реквизита нет. Ему подаются мячики. Зачем? Это не его реквизит! Он всегда ими плохо жонглировал! Где кольца? Но выкручиваться надо – зрители вокруг! Позор!.. На другой день: объявляют его номер. Он спешит по каким-то запутанным лестницам к манежу. Звучит его музыка. Он не успевает, опаздывает... Следующий сон не лучше предыдущих: он второпях надевает костюм, но никак не может закончить. Руки действуют как-то замедленно, словно нарочно. А тут снова звучит объявление его номера. Музыка! Он опять не на манеже... Очередное просыпание в холодном поту и трепещущим сердцем. Только один раз, летая в эфирах, он получил от работы наслаждение. Снился Париж, международный конкурс. Всё, что он тогда пережил наяву в ранге триумфатора, сейчас вернулось во сне. Зал аплодировал стоя. Крики браво! Члены жюри рукоплещут, а он кланяется, кланяется и плачет от счастья... Проснулся – лицо мокрое...

Сашка Сарелли жил и занимался этим делом, сколько себя осознавал. В последнее время вспоминалось, как выносили деда с манежа под аплодисменты артистов и униформы.

Столько пришло тогда народу проститься со старым Мастером! Теперь он на Кунцевском, рядом с бабушкой. Позже там оказалась мама, которая так нелепо разбилась, сорвавшись из-под купола. Отец сгорел после этого как-то быстро и незаметно – спился, не выдержал такого поворота судьбы. Сашка о ту пору был уже всюю самостоятельным, взрослым. Ездил по гастролям отдельно от родителей. У него всё получалось, он был на взлёте! В молодом угаре пережил это, казалось, относительно легко. Ан нет, рубцы на сердце оказались незаживающими. Правда саднить они стали по-настоящему только сейчас, когда Сашка Сарелли вдруг остро осознал, что он один-одинёшенек на этом свете. Ну, не считая, разве что, его друзей: Шаха, Фила и Ангары.

Цирковая молодость промчалась, отзвучала, как увертюра в оркестре перед представлением... Жизнь резко изменилась! Теперь никуда не надо было спешить, собираться в дорогу. Не было шумных компаний в привычных цирковых гостиницах, как не было и самих гостиниц. Не было аплодисментов, того адреналина, который ежедневно подпитывал кровь. Не было переездов, поездов, самолётов – не было ничего, что полвека наполняло его жизнь смыслом и стремлением. Всё неожиданно закончилось. «У вас льготная пенсия есть? Есть. Ну и отдыхайте! Пора! Спасибо Вам за работу! Компания Росгосцирк в ваших услугах больше не нуждается...»

Теперь он чувствовал себя бомжом, которого выбросили

из собственной квартиры на улицу, где было холодно, страшно и непривычно. Он не знал, как жить, совладать с ситуацией! С чего начать это новое для него существование? Не было ни финансовых накоплений, ни семьи, ни иной профессии. От прошлой жизни остался лишь его любимый «Мерседес», ещё крепкий и такой надёжный. Это были его крылья, которые столько раз уносили в странствия-путешествия, без которых он себя не мыслил! Сашка был влюблён в эту машину, как в женщину! Сколько всяких амурных приключений знавал салон его автомобиля! Сколько раз он ночевал в нём, когда некуда было деться! Этот дом на колёсах оставался связующим звеном с его прошлой жизнью. Этакая невидимая ниточка, за которую цепляется такое эфемерное понятие, как память. Но на бензин в последнее время не хватало, и «Мерседес» всё чаще пылился в гараже.

Зацепиться душой было не за что. Никаких вариантов и надежд! Тупик! Чёрный засасывающий квадрат – после солнечного круга манежа!..

В этой ситуации, которая с каждым днём усугублялась, нужно было думать, как жить дальше. Но именно Жить не особо и хотелось...

Он много спал. Блуждал в тяжёлых беспросветных закоулках забытья, пытаясь найти там спасение. Точнее, ничего он не искал. Просто лежал в состоянии глубочайшей депрессии, выраженной в бесконечном равнодушии к себе и окружающему миру. Он не чувствовал ровным счётом ниче-

го. На вопрос, жив ли он в эту секунду, утвердительного ответа он бы не дал. Единственной точкой опоры и жизненно-го тепла сейчас была шершавая, много раз крашенная батарея центрального отопления. Именно она хоть как-то сейчас подтверждала, что жизнь его ещё не покинула.

Энергии не было. Желаний тоже. Никаких. Он просто прижимался ягодицами к обжигающему металлу и лежал без движений.

Иногда ему казалось, что сердце переставало биться и дыхание останавливалось. Он ждал. Но проходили секунды, и грудь начинала вздыматься против его желания и воли. Тепло, привыкшее к бесконечным нагрузкам и испытаниям, теперь хоть и нещадно болело, но продолжало самостоятельно жить и функционировать. Оно боролось! За двоих!.. В мозгу вдруг чётко, как команда «Ап!», прозвучало: «Жизнь никто не отменял! Осим хаим!..»

– Что за «осим хаим»? Это ещё что за иностранщина? – мозг вяло начал свою жизнедеятельность. В голове многократно, словно заевшая пластинка, повторялось: «Осим хаим! Осим хаим!..»

«Надо посмотреть в интернете, как переводится эта абракадабра. Никогда раньше ничего подобного не слышал... Да пошло оно всё!» – устало промелькнуло в мозгу, и он вновь устремился вверх-вниз по скользким тоннелям сновидений...

...За ним гналась свора бешеных собак. Они брызгали ры-

жей слюной. Их горячие капли летели ему на ноги, плечи, спину. Он задыхался, но бежал, бежал, что было сил. Понимал, если укусят – всё... И его укусили... В самое незащищённое место, что пониже спины. Он проснулся с колотящимся сердцем и пульсирующими висками. Присел на кровати, приходя в себя и вырываясь из липкой паутины сна. Простыня была мятой и влажной. Он изрядно пропотел, как при тяжкой хвори.

Сил не было. Остатками воли он всё-таки сделал над собой усилие. Хрустнул коленями, пошатываясь, встал. Потёр обожжённое батареей место. Одеяло валялось на полу. «Вот, собака!» – недобро покосился он на раскалённый радиатор, одновременно вспомнив свой сон. Слава богу, бешенство ему не грозило, но волдырь обещал быть знатным. И где!..

Прихрамывая, пошлёпал босыми ногами на кухню. Попил воды, привычно потянулся, охнул! Выковырял из блестящего пластика таблетку мелоксикама, ещё раз хлебнул воды. Проклятый артрит с каждым днём прогрессировал, уродуя пальцы рук, плечи и сгибы локтей. Натренированное за долгие годы тело, из-за отсутствия привычных нагрузок, разваливалось на глазах. Никакие утренние зарядки не могли компенсировать оставшиеся в прошлом ежедневные репетиции и выходы на манеж.

Среди дня он ещё выглядел молодцом! Всегда щеголевато одетый, длинноволосый, без заметной седины, лёгкий, энергичный – он поражал собеседников, когда те узнавали, что

ему почти пятьдесят. Выглядел он лет на десять-пятнадцать моложе. Последнее время лишь утро напоминало ему о том, что ничего нет вечного под этой луной, да и под солнцем тоже. Сарелли с удивлением узнал, что его любимое жонглирование может мстить за прошлые многочасовые репетиции. Здоровье вдруг начало исчезать, как купюры из кошелька, которые он раньше особо не считал. Всё казалось прочным и незблемым, но молодость вдруг скрылась за поворотом, как автобус, на который ты опоздал...

«Ладно, через полчаса боль чуть утихнет. Часа через два-три уймётся совсем. Мелоксикам своё дело сделает», – утешил он себя.

Сашка кое-как расхотелся. Насколько мог помахал руками, осторожно, психуя на свою неожиданную беспомощность, с закушенной губой, через силу, поприседал. Посмотрел на свои руки, покачал головой и включил компьютер.

В голове тяжестью пудовой гири висела серая пелена, запорошенная обрывками разрозненных фраз, мыслей без начала и конца, вопросов, на которые у него не было ответов. Всё это, словно с глубочайшего похмелья, копошилось, кувыркалось резвыми акробатами, гудело какофонией и не отпускало ни на секунду. Сарелли сделал очередное усилие, открыл крышку ноутбука.

– Та-ак! Смотрим, ищем... «Лехаим»... Нет, не то! Это слово я знаю, сто раз у Шацкого орали на его днях рождения, желая здоровья. Ёлы-палы! Не могу вспомнить! Да как же

его? Заспал, блин!..

Вдруг ударом в висок: «Осим хаим!..» Сердце радостно заколотилось, и любопытство погнало застоявшуюся кровь по аортам, а ожившее сознание – по закоулкам интернета...

...Он сидел ошарашенный и одновременно какой-то просветлённый и торжественный. То, что это словосочетание никогда ранее в своей жизни он не слышал и не встречал, Сарелли мог поклясться чем угодно! Значит, это «оттуда»! Специально для него! С ним говорят! Поддерживают! Он не один! Мир, оказывается, бесконечно шире, глубже, многогранней его представлений о Вселенной!.. Сашка рассмеялся громко и счастливо, открыв для себя эту простую и одновременно Великую истину, вспомнив болезненную точку отсчёта своего открытия – обожжённую задницу о чугунную батарею. «Как всё лихо закручено! Утро явно задалось!..»

На экране монитора компьютера светилась неоновобелым с чёрными литерами статья из Израильского журнала, которая называлась: «Осим хаим». Сие означало – «Насладись Жизнью!»

Сашка взбодрился: «Надо съездить к Ангаре. Что-то он в последнее время на звонки не отвечает. Не нравится мне это...»

Глава третья

Депрессия наваливается тогда, когда жизнь скукоживается, как мошонка в ледяной воде, схлопывается пружинной мышеловки, и ты лежишь беспомощный, приплюснутый обстоятельствами, которые тебе совсем не по душе...

На этой самой душе сегодня было пусто и бессмысленно. Одиноко и печально. Словно чего-то было бесконечно жаль... Чего-то такого, в определении которого не подобрать нужных слов. Именно в такие времена приходит беспробудное пьянство, заполняющее ту самую брешь в сознании, которой нет определения, кроме нелепого, но абсолютно точного слова «пустота».

Эти затяжные глубокие запои свойственны русскому человеку. Они свойственны в не меньшей степени и другим народам, но общим мнением – особенно русской Душе! Видимо, остальной мир пьёт просто ради опьянения, ради хмельного метаболизма, как процесса. Русский же человек пьёт исключительно из-за бесконечных поисков хоть какого-то смысла жизни. Или пытается заглушить парами Бахуса отсутствие оного...

Самый невзрачный серый день, в котором, казалось бы, нет никаких событий и особого смысла, имеет свою биографию, индивидуальность и значимость. Он, так или иначе, является точкой отсчёта дня следующего. Как бы мы не

прожили день сегодняшний: ярко, насыщенно, незабываемо или бездарно сожгли двадцать четыре часа своей бесценной жизни, лёжа в постели,— мы проложили путь из точки «А» в пункт «Б». Где-то там, в облаках, или здесь на Земле, кто-то что-то решает за нас, а может, и не решает, но оно, тем не менее, происходит...

— Осим Хаим! — Сарелли толкнул обшарпанную дверь, которая на его звонки и настойчивые стуки долго не открывалась.

— И тебе не хворать!..

— Витя, хватит бухать! Жалуешься — денег нет, а на бухло находишь.— Сашка Сарелли с яростью, но с ещё большим скрытым состраданием смотрел на Витьку Ангарского.

— Не гунди, я в форме...

— В какой ты, на хрен, форме, посмотри на себя в зеркало! Так даже в самой заштатной униформе в провинции не выглядят. Побрился бы, голову причесал!..

— Оставь мою голову в покое! Я на ней уже не стою. И униформу не трогай, там все ребята классные. Других в цирке не бывает...

Сарелли с прискорбием обвёл взглядом холостяцкую конуру друга. Она имела вид запущенный, сиротский. Тут давно не мели, а полы, было такое ощущение, не мыли никогда. С тех времён, как ушла Татьяна, в его жилище женщиной и не пахло. Зато, до тошноты, разило перегаром, остатками еды и большой человеческой бедой. Сашкино сердце

вновь сжалось... Он отдёрнул штору и распахнул форточку. По глазам полоснул солнечный свет, в лёгкие ударила струя свежего воздуха.

Ещё недавно у Витьки Ангарского было неплохое жильё. В своё время родители решились и продали всё, что было у них в Ярославле: отличную квартиру, дачу, японскую машину. Прибавили сюда всё, что заработали за эти годы в цирке и купили жилплощадь в Москве...

Родителей больше не было. Ушли один за другим не старыми. Ушла и любимая женщина, с которой столько лет было прожито! Рак... Они так и не расписались. Жили просто так. Любили друг друга. По-настоящему. Взахлёб. Сгорела его Любушка меньше чем за полгода...

Он долго не смотрел в сторону женщин. Через семь лет встретила Татьяна. Заботливая, решительная, бережливая. Она взяла хозяйство Ангарского и его самого в крепкие женские руки. Он не сопротивлялся. Ему это даже в какой-то степени нравилось. До того момента, пока его не уволили из цирка... Он растерялся. Как жить, он не знал и не понимал. Привычные координаты и ориентиры в жизни сместились. Так иногда смещаются полюса планет, и тогда... Это как если выпустить на свободу заключённого, который отсидел полжизни в застенках, а теперь оказался на свободе, где ему никто не рад и ему ничего не знакомо. Ангарского неудержимо тянуло назад на манеж, в привычную обстановку. В иллюзию ощущения, что он по-прежнему нужен цирку,

а его детище – номер-шедевр – нужен зрителю. Он жаждал дела, которому посвятил жизнь, и которого теперь не было. И, самое главное, он понимал – больше никогда не будет... Это – конец. Конец всему...

Навалилась тоска. Руки опустились. Он поплыл...

Татьяна какое-то время его теребила, гнала на какие-то там работы, которые она для него находила. Надо, мол, зарабатывать деньги, а не проедать их и не сидеть на шее у жены. Сама она устроилась в этой жизни быстро и без проблем. Виктор пытался ей что-то там объяснять о своём внутреннем психологическом состоянии, о том, что он артист, заслуженный артист... Татьяна достаточно грубо каждый раз ему говорила – забудь, кем был, важно – кто сейчас. Потом однажды напрямую сказала, кто он сейчас... А тут ещё начались проблемы в интимной жизни. Осечка за осечкой. Витька совсем скис. Татьяна вошла в раж. Последними её словами были: «Я выходила замуж за мужика. Я не мамочка – сопли утирать не буду...» С тем и ушла. Тут же подала на развод. Разменяла квартиру, вывезла мебель. Витьке досталась крохотная однушка на окраине Москвы. Он не сопротивлялся. На суде спокойно подтвердил аргументы жены, что он «законченный алкоголик и импотент». Судья, которая в своей жизни видела-перевидела, женским чутьём для себя определила: «Собака бывает кусачей только от жизни собачей...» Внимательно посмотрела на Ангарского и на его пессию. «Мужик как мужик. Симпатичный, не старый. Хорошо сложен. По-

брить, отутюжить...» Глянула на Татьяну, вскинула бровь: «Дура баба. Но хваткая...»

При разделе имущества Ангарский так же безучастно стоял в стороне, когда грузчики выносили когда-то приобретённое им добро. Верховодила всем этим Татьяна. Он стоял, закрыв глаза. Его не было. Он умер...

Сарелли читал проповедь, пытаясь достучаться до сознания Ангарского и хоть как-то подкуражить себя самого. В своём психологическом состоянии он недалеко ушёл от своего друга. Разница была лишь в том, что он кое-что понял сегодняшним утром...

– Нашёл, по ком страдать. Баба с возу...

– Дурак! Я не по ней! Я... в принципе... А-а, тебе не понять...

– Где уж нам уж выйти замуж. Эквилибрист хренов! Ты ж на ногах уже не стоишь!

– Эквилибрист он стоит на руках. Да чё с тобой разговаривать – жонглёр он и есть жонглёр. Смотри! – Витька метнулся на руки. Его тело чуть качнулось, но тут же привычно нашло точку баланса. На тренированных руках прорисовались трицепсы и натруженные вены. Одна его рука вот уже полгода не выключалась в локтевом суставе. Старая травма и дикие нагрузки согнули эту руку в локте и не позволяли теперь той до конца разгибаться. По ночам Витька завывал от боли. Недуг прогрессировал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.